получилъ отъ Петра Александр. Плетнева, Ректора С. Петерб. Университета.

С.Пб. пятница 4 Марта 1849.

СКАЗАНІЕ

О

ВИДЪЯДГАРѢ ДЖИМУТАВАГАНѢ.

СКАЗАНІЕ

о

ВИДЪЯДГАРѢ ДЖИМУТАВАГАНѢ.

повѣсть

Сомадэвы-Бгатты.

Переводъ съ Санскритскаго

К. Коссовича.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатании было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 22-го дня, 1847 года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

Елизаветъ Петровнѣ

ДЕЛОНЕ,

изучающей съ любовью классическіе языки,

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЭТОТЪ ПАМЯТНИКЪ ПОНЯТІЙ О НРАВСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВѢКА ДОКЛАССИЧЕСКАГО ВРЕМЕНИ,

ВЪ ЗНАКЪ УВАЖЕНІЯ КЪ ЕЯ ОТЛИЧНЫМЪ ДАРОВАНІЯМЪ,

отъ переводчика.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переведенный мною разсказъ о Видъядгарѣ Джимутаваганѣ заимствованъ изъ четвертой книги огромнаго на языкѣ Санскритскомъ сборника разсказовъ нравственно-миѳологическаго содержанія, подъ названіемъ: *Катга-саритъ-сагаръ*. Слова эти буквально значатъ: *море слившихся потоковъ разсказовъ*. Заглавіе само собою уже обнаруживаетъ способъ изложенія разсказовъ въ этомъ сборникѣ. Подобно всѣмъ повѣствовательнымъ сочиненіямъ позднѣйшей Санскритской литературы, онъ имѣетъ видъ огромной повѣсти; эту повѣсть разсказываетъ богъ Сива своей женѣ Парвати; весь же объемъ ея состоитъ изъ постороннихъ самостоятельныхъ разсказовъ, вставленныхъ искусною рукою въ видѣ эпизодовъ, и подчиненныхъ общей нити главнаго разсказа, безпрестанно прерывающейся этими вставками.

Прерывая читателя въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ наиболѣе возбуждено его любопытство, возбуждая оное потомъ снова также неоканчиваемыми, новыми разсказами,— подобнымъ изложеніемъ, авторъ умышленно каждый разъ старается утолять любопытство читателя только въ половину, имѣя въ виду все рисовать предъ его глазами волшебную даль, наполненную очаровательными личностями, уже полузнакомыми ему, все завлекать и раздражать его любопытство, до самого окончанія главной повѣсти. Въ такомъ порядкѣ изложено знаменитое собраніе Санскритскихъ басень, извѣстное подъ названіемъ:

Гитопадэса, т. е. *наставленіе полезному*, и даже большая часть Пуранъ, сочиненій чисто религіознаго содержанія. Европейскіе читатели давно уже имѣютъ понятіе о подобномъ изложеніи изъ переводовъ съ Арабскаго Тысячи одной ночи и изъ басень Пильпая.

Не должно думать, что этотъ способъ разсказывать былъ всегда на Востокѣ. Только притупленный, также духовный какъ и физическій, вкусъ можетъ нуждаться въ раздражительныхъ средствахъ. Въ Рамаянѣ, въ Магабгаратѣ, въ Вэдахъ повѣствовательнаго содержанія, во всѣхъ этихъ древнѣйшихъ произведеніяхъ Санскритской литературы, въ которыхъ, равно какъ въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ, поэтъ вполнѣ объективенъ и занятъ не эффектами, а единственно художественнымъ представленіемъ своего предмета, подобнаго изложенія не видно и слѣдовъ. Оно родилось, когда, въ слѣдствіе не вполнѣ еще разъясненныхъ причинъ, истощилось наконецъ духовное творчество Индусовъ. Позднѣйшіе Индійскіе поэты, не будучи въ силахъ произвесть много новаго, считали себя поставленными въ необходимость повторять то, что давно уже съ геніальнымъ могуществомъ мысли и слова было изложено ихъ предшественниками; для того же, чтобы чѣмъ нибудь отличиться отъ нихъ, они, частью представляли содержаніе заимствованное у древнихъ поэтовъ въ утонченнѣйшей политурѣ языка, до каковой едва ли возможетъ дойти когда либо человѣческое слово и въ этомъ преимущественно успѣли быть оригинальными, — частью прибѣгали къ средству давать своимъ компиляціямъ новый, также эффектный, видъ безпрестанно прерываемаго и возобновляемаго разсказа.

Рядомъ съ этою крайнею искусственностью какъ языка, такъ и общаго изложенія, и отсутствіемъ истинной оригинальности въ повѣствовательной Санскритской литературѣ

послѣ эпоса (за исключеніемъ лѣтописей, описывающихъ позднѣйшія событія Индусовъ, и то — не подъ отношеніемъ художественнымъ), изучающаго поражаетъ высокая художественность Санскритской драмы. Въ драмѣ укрылась, въ этомъ періодѣ времени, вся простота и естественность человѣческой мысли и слова въ Индіи. Этотъ фактъ можетъ объясниться только тѣмъ, что назначеніе драмы было всегда для большинства общества, искусственность же и поддѣлка никогда не могли находить сочувствія въ массахъ народа. И такъ, единственно здравому чувству народа Санскритская поэзія въ Индіи была обязана долгое время спасеніемъ первобытной своей чистоты и естественности.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что вся Санскритская поэзія позднѣйшаго времени, кромѣ драмы, лишена уже всякой оригинальности. Нерѣдко, подъ изысканнѣйшею оболочкою щеголеватаго слова ея, слышится біеніе истиннаго чувства; нерѣдко это жемчужно-алмазное убранство человѣческихъ ея украшеній, исчезаетъ предъ молніей такой божественной мысли, которая и не заимствована у древнихъ. Но это уже поэзія знатоковъ, поэзія Виргилія, а не всечеловѣческая поэзія: не Гомеръ, не Вальмики.

Авторъ нашего сборника, Сомадэва-багатта, жилъ въ Кашмирѣ въ началѣ XII-го столѣтія, и, по преданію, составилъ оный, чтобы утѣшить царицу Сурьявати въ потерѣ ея внука Кашмирскаго царя Гарша-Дэвы, умершаго около 1225 г. п. Р. Х. Въ началѣ своего произведенія онъ сознается, что его заслуга состоитъ только въ преложеніи въ стихи огромнаго собранія Санскритскихъ разсказовъ подъ названіемъ *Вргатъ-катга* (*великій разсказъ*), и что онъ это сдѣлалъ для того, чтобы легче было читателю удержать въ памяти разсказы его первообраза.

Такъ какъ Вргатъ-катга до сихъ поръ еще не напечатана, кромѣ очень незначительныхъ отрывковъ, то и нѣтъ возможности опредѣлить отношеній этого передѣланнаго труда къ его подлиннику. Одно можно сказать утвердительно, что Вргатъ-катга ежели и опередила, быть можетъ, столѣтіями, свое изящное преобразованіе, все таки, въ свою очередь, по способу изложенія, принадлежитъ, въ исторіи Санскритской литературы, къ обозначенному мною періоду передѣлокъ и компиляцій.

Но хвала равно автору Вргатъ-катги, какъ и Сомадэвѣ, стихотворному ея редактору, за убереженіе, и въ этой формѣ, разсказовъ переданныхъ ими намъ. Во внѣшности изложенія они отзываются позднимъ временемъ своей редакціи, но, содержаніемъ, всѣ они болѣе или менѣе — вѣрные отпечатки той фантазіи, которая такъ очаровываетъ читателя въ повѣствовательной части Вэдъ и въ Индійскомъ эпосѣ: по крайней мѣрѣ, разсказъ переведенный мною отзывается духомъ времени творца Савитри и Начикэтаса, и, судя по бо̀льшей части своего содержанія, долженъ быть отнесенъ ко временамъ первобытнѣйшимъ. — Прибавимъ, что Сомадэва жилъ въ то время, когда Исламисмъ заливалъ уже почву Индусовъ потоками крови, пролитой мечемъ ворвавшихся въ ихъ землю пришельцевъ. Какая безконечная противоположность между духомъ насилія, кичливости и гордостью повелѣвавшихъ уже въ это время въ Индіи Арабовъ, и этимъ духомъ кротости, великодушія, самоотверженія, который вѣетъ во всѣхъ разсказахъ Сомадэвы, которому также чуждо проливать кровь, какъ и мстить за кровь пролитую!

Сомадэва принадлежалъ къ сектѣ Сиваитовъ, что̀ видно изъ особеннаго предпочтенія, которое во всѣхъ его разсказахъ дается богу Сивѣ; Сиваисмъ же его, равно какъ и Сиваисмъ Калидасовъ, есть ни что иное, какъ простое переименованіе древняго Вишнуисма. Таже миѳологія, тѣже касты (только съ меньшими ограниченіями), таже власть Вишну и Лякшми, только перенесенная на другія лица, именно на Сиву и на Гаурію; одно, что̀ отличаетъ Сиваисмъ этой книги отъ Вишнуисма, это — допущеніе убивать людей въ честь богини Чандики; но представляются въ ней приносящими подобныя жертвы обитатели лѣсовъ, жившіе внѣ кастъ Брагманической системы, при чемъ должно замѣтить, что человѣческая жертва всегда освобождается помилованіемъ со стороны богини, за какую нибудь особенную добродѣтель человѣка подлежавшаго жертвѣ. Не таковъ Сиваисмъ въ переведенной мною на Русскій языкъ драмѣ: Торжество свѣтлой мысли, (*) составленной Вишнуитами. Дай Богъ чтобы современные намъ Швейцарскіе послѣдователи Сиваитовъ, которые съ такою поразительною вѣрностью предугаданы въ драмѣ Кришны-Мисры, и наши ревностные журнальные поборники ихъ ученія, дай Богъ, чтобы и тѣ и другіе наши Сиваиты приняли себѣ когда нибудь въ образецъ Сиваисмъ Сомадэвы!

Собраніе разсказовъ Сомадэвы въ продолженіе многихъ столѣтій сохранялось въ рукописяхъ и было извѣстно только тѣмъ изъ изучающихъ Санскритскую литературу, кто изъ нихъ могъ имѣть доступъ въ Англійскія библіотеки: Оксфорд-

---

(*) Драма эта въ полномъ видѣ была напечатана въ числѣ очень немногихъ экземпляровъ; въ Московскомъ же Литературномъ и Ученомъ Сборникѣ за 1847-й годъ, она появилась съ пропусками, сдѣланными въ ней редакторомъ Сборника. Озлобленіе, съ которымъ мой трудъ былъ встрѣченъ во многихъ журналахъ, въ особенности же: въ Современникѣ, въ Сѣверной пчелѣ и въ Сынѣ Отечества, можетъ быть оправдано только сказкою объ обезьянѣ, разсердившейся на зеркало за то, что оно очень вѣрно отразило безобразныя черты ея. Но виноватъ-ли переводчикъ Санскритской драмы, что наши мудрователи встрѣтили въ ней самихъ себя, и, что ученіе, которое предано въ этой драмѣ поруганію, похоже на ихъ ученіе?

скую и Лондонскую. Г. Брокгаузъ первый напечаталъ въ Лейпцигѣ въ 1839 году пять книгъ этого сборника и познакомилъ насъ по крайней мѣрѣ съ начальными повѣствованіями онаго. Къ изданію Г-на Брокгауза присоединенъ переводъ этихъ пяти книгъ на Нѣмецкій языкъ, въ которомъ онъ, какъ и самъ сознается въ предисловіи, имѣлъ въ виду болѣе читателей незнакомыхъ съ Санскритскимъ языкомъ, нежели имѣвшихъ изучать подлинникъ по его книгѣ. Особенную благодарность заслуживаетъ Г. Брокгаузъ за то, что, печатая первый, онъ не позволилъ себѣ самовольно поправлять ни одного мѣста въ текстѣ, могшаго казаться ему неяснымъ или испорченнымъ. Подобное нравственное безкорыстіе издателей произведеній древняго міра, невыразимо плодотворно для основательнаго разумѣнія ихъ, ежели и не всегда во время первоначальныхъ изданій, то по крайней мѣрѣ хоть въ будущемъ времени. Санскритскія же древнія рукописи, при печатномъ ихъ издаваніи, въ особенности заслуживаютъ довѣріе потому, что онѣ были списываемы въ Индіи людьми, хотя обыкновенно и не понимавшими духа цѣлаго сочиненія, передаваемаго ими потомству, но, за то, питавшими религіозное почтеніе къ каждому слову, къ каждой буквѣ текста.

Переводя выбранную мною повѣсть изъ изданія Г. Брокгауза, во многихъ мѣстахъ я разошелся, касательно смысла, съ переводомъ знаменитаго Германскаго Санскритолога. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я далъ отчетъ объ этомъ въ приложенныхъ къ моему переводу примѣчаніяхъ. Нисколько меня не руководило въ этомъ дѣлѣ ученое тщеславіе: я думалъ одно, именно, что ничѣмъ лучше не окажу признательности и вниманія къ труду Г-на Брокгауза, какъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ произведенія, котораго пониманіемъ обязанъ я его же изданію.

Хотя герои нашей повѣсти дѣйствуютъ большею частью въ мірѣ фантастическомъ Индійской миѳологіи, для того однако, чтобы дать возможность читателямъ имѣть хоть слабый оттѣнокъ какой нибудь мѣстности, отразившейся на этомъ произведеніи, я прибавилъ въ примѣчаніяхъ объясненія географическихъ мѣстъ и предметовъ по части естественной исторіи изъ словаря Г. Вильсона. Я нашелъ нужнымъ также изъ него привесть и объясненія нѣкоторыхъ именъ миѳологическихъ, такъ какъ до сихъ поръ мудрено еще много присовокупить къ тому, что̀ и вѣрно и самобытно сказано въ исполинскомъ трудѣ этого безсмертнаго основателя изученія Санскритской литературы въ Европѣ. Слова Санскритскія, приводимыя въ примѣчаніяхъ, напечатаны Русскими буквами единственно потому, что, заказанные мною для Санскритско-Русскаго словаря, Санскритскіе шрифты еще не совершенно готовы.

Переводчикъ.

СКАЗАНІЕ

о

ВИДЪЯДГАРѢ ДЖИМУТАВАГАНѢ.

Есть во вселенной родитель матери существъ (*супруги Сивы, Гауріи*), царь между горами, Гимаванъ (*), не однѣ только горы чтутъ его своимъ *гуру* (**): онъ — *гуру для* высокаго обладателя Гауріи (*для Сивы*). На этой великой горѣ, постоянномъ мѣстопребываніи видъядгаровъ (***), жилъ нѣкогда ихъ царь, по имени Джимутакэту. Въ домѣ у него произрастало, перешедшее къ нему отъ его пра-

---

(*) *Гимаванъ*, the *Himálaya* range; *Гималяя*, the *Himála* or *Himálaya* range of mountains, which bounds *India* on the north, and separates it from *Tartary*; the *Imaus* und *Emodus* of the ancients, giving rise to the *Ganges*, and *Indus*, and many other considerable rivers, and containing the highest elevations in the world: in mythology, the mountain is personified as the husband of MENAKA, and the father of GANGA or the *Ganges*, and DURGA or UMA in her descent as PARVATI, the mountain nymph, to captivate SIVA, and withdraw him from a course of ascetic austerity practised in those regions.

(**) *Гуру*, родитель, наставникъ, вообще почтенное лице.

(***) *Видъядгара*, a demigod of a particular order or class, a spirit of the air.

отцевъ, кальпа-дерево (*), которое, исполняя душевныя желанія прибѣгавшихъ къ нему, справедливо и называлось — деревомъ подателемъ радостей (*манорат гадаяка*). Однажды сей царь Джимутакэту, отправившись въ свой садъ, подошелъ къ этому кальпѣ-дереву, котораго нѣдра одухотворены были божествомъ, и взмолился къ нему слѣдующими словами: »Во всѣхъ случаяхъ жизни мы получаемъ отъ тебя все желанное нами; такъ пошли же, о божество, мнѣ бездѣтному сына, сопровождаемаго доблестью!« На это отвѣтствовало ему кальпа-дерево: »царь! скоро родится у тебя сынъ: онъ будетъ помнить о томъ, что̀ было съ нимъ прежде, что̀ предшествовало рожденію его; будетъ щедръ, храбръ; будетъ оберегать всѣ существа живыя и чувствующія.« Царь, услышавъ это, возрадовался, поклонился кальпѣ-дереву, потомъ ушелъ, къ себѣ въ домъ, и, разсказавъ это своей царицѣ, развеселилъ и ее. Не долго спустя послѣ этого происшествія, у царя родился сынъ: отецъ далъ ему имя Джимутаваганъ. Благородный Джимутаваганъ выросъ вмѣстѣ съ врожденнымъ ему сочувствіемъ ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Достигнувъ постепенно до возраста преемника царства, однажды, будучи исполненъ сострадани къ человѣчеству, онъ сказалъ наединѣ своему отцу, счастливому тою любовью къ сыну, которая питается въ родителяхъ неизмѣнною почтительностью и преданностью къ нимъ дѣтей ихъ. »Отецъ мой, сказалъ онъ ему, знаю, что въ этой жизни все сокрушается мгновеніемъ: только слава душъ возвышенныхъ, стяжанная дѣйствіями безъ пятенъ, только ея цвѣтъ, одинъ онъ неизмѣненъ, и красуется, доколѣ бодрствуетъ Брагма (*т. е. до скончанія міра*). Ежели эту славу стяжалъ кто, упрочивъ собою благо другимъ, то для такой возвышенной души можетъ-ли уже существовать на землѣ другое счастіе? Нѣтъ. Никакое сокровище міра не сравнится съ такимъ благомъ, которое намъ дороже собственной жизни. У того, кто обладаетъ счастіемъ, не упрочивая благосостоянія своихъ ближнихъ, оно, какъ молнія, ослѣпитъ только взоры людей, само же непремѣнно погибнетъ, совершенно такъ, какъ гибнетъ игра молніи. Что̀, ежели бы и кальпа-дерево, которое удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ требованіямъ, было обращено на пользу другихъ? Тогда только и принесло бы оно настоящіе плоды свои, тогда только могли бы имѣть они свою цѣну. Я думаю вотъ что: постараюсь, чтобы эти безчисленныя толпы нуждающихся людей перестали быть бѣдными — неисчерпаемою производительностью нашего дерева.«

Сдѣлавъ такое предложеніе отцу, и получивъ отъ него разрѣшеніе, Джимутаваганъ пришелъ къ кальпѣ-дереву, и обратился къ нему съ слѣдующимъ прошеніемъ: »Божество! Неизмѣнно подаешь ты намъ всѣ плоды нашихъ желаній; такъ выполни же теперь это мое единственное желаніе: сдѣлай, дружественное и покровительное божество, чтобы вся эта земля стала безбѣдною! Тебѣ хвала, тебѣ поклоненіе мое! даровано же ты для страждущихъ, для нуждающихся въ твоемъ изобиліи, котораго само ты преисполнено.« Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ благороднымъ Джимутаваганомъ, кальпа-дерево

(*) *Кальпаврк ша*, one of the faboulous trees of INDRA'S heaven; a tree which yields whatever may be desired. E. *кальпа*, purpose, and *врк ша*, a tree. Подобное, впрочемъ, дерево встрѣчается въ Пуранахъ и у Вишну въ Вайкунтѣ, и вообще, въ каждомъ изъ высшихъ миѳологическихъ міровъ брагманическаго ученія.

излило на всю эту землю обильный дождь золота, и всѣ ея обитатели обрадовались невыразимою радостью.

»Исполненный состраданія, отрасль Бодгисаттвы (*т. е. одно изъ воплощеній божества*) (*), существо совершенное въ видимомъ мірѣ — возмогъ-ли бы кто нибудь другой кромѣ его, кромѣ Джимутавагана, склонить наконецъ и кальпа-дерево къ изліянію благосостоянія на неимущихъ?« Такъ по всѣмъ странамъ свѣта и по ихъ промежуткамъ, съ любовью, громко, раздавалась безукоризненная слава Джимутавагана.

Единородные царя Джимутакэту, видя, что царская власть его пускаетъ глубокіе корни славою его сына, воззавидовали тому и другому, и измѣнили своему царю; потому только что сами они не имѣли никакой власти; они возмечтали, что имъ очень легко завоевать столицу царя Джимутакэту, столицу кальпы-дерева, столь богатаго дарами и благосостояніемъ, изливаемыми на его просителей.

Когда эти мятежники собрались и окончательно уже рѣшились воевать съ своимъ царемъ, благородный Джимутаваганъ сказалъ тогда своему отцу: »Въ то время какъ тѣло наше подобно пузырю вскакивающему на водѣ, то, чего ради заботиться намъ о достояніи, которое также непрочно, какъ мерцаніе факела, задуваемаго вѣтромъ? Если же, для того чтобы удержать оное за собою, необходимо еще терзать и другихъ, то, кто, одаренный умомъ, будетъ уже столь слѣпъ, чтобы питать къ оному

(*) *Бодгисаттва*, собств. воплощенный Будда, также вообще воплощеніе божества.

какую нибудь привязанность? По этому, милый отецъ мой, не хочу я сражаться съ нашими единокровными: оставивъ царство, лучше мнѣ уйти куда нибудь въ пустыню. Пусть останутся себѣ въ покоѣ эти жалкія существа: по крайней мѣрѣ не будетъ кровопролитія между своими.« Эти слова Джимутавагана, сказанныя царю Джимутакэту, отцу его, рѣшили и отца на подобное же дѣло; вотъ что царь сказалъ своему сыну: »И я, сынъ мой, уйду съ тобою туда же. Какое честолюбіе можетъ оставаться во мнѣ старомъ, когда ты, въ цвѣту молодости, могъ отринуть царскую власть, какъ ненужную траву, уносимую вѣтромъ?«

Джимутаваганъ удалился послѣ этого вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, и съ супругою отца, своею матерью, принявшими подобное же рѣшеніе, къ горѣ Малаѣ (*). Тамъ поселился онъ въ области сиддгасовъ (**), въ одной изъ тамошнихъ обителей, коей окрестности сладко оглашаемы были шумомъ немолчныхъ водопадовъ, увѣнчанныхъ непроницаемою чащею благовоннаго чанданова дерева (***) и жилъ, поставивъ главнымъ для себя занятіемъ — услаждать своими попеченіями и заботливостью престарѣлые дни своего отца.

(*) *Малая*, a mountain or mountainous range, from which the best *Sandal* wood is brought, answering te the western Ghâts in the peninsula of *India*.

(**) *Сиддга*, a divine personage of undefined attributes or character a sort of demigod or spirit, inhabiting, together with the *Vidyâdharas*, *Munis* etc. the middle air, or the region between the earth and sun.

(***) *Чандана*, *Sandal* (Sirium myrtifolium), it implies either the tree, the wood, or the unctuous preparations of the wood, held in high estimation as perfumes.

Въ этой области былъ у Джимутавагана другъ, существо вполнѣ поработившее себя могуществу своего духа, сынъ царя Висвавасу, верховнаго правителя всѣхъ сиддгасовъ, по имени Митравасу.

Однажды, въ уединенномъ мѣстѣ, Джимутаваганъ увидѣлъ дѣвицу, его сестру. Сохранивъ въ душѣ непомраченное всезнаніе, онъ легко призналъ въ ней то милое, несравненное существо, которое сопутствовало ему нѣкогда во времена предшествовавшія теперешнему рожденію его. При взглядѣ другъ на друга, сердца этой молодой четы находились въ такомъ положеніи, какъ, сжели бы вдругъ *мриги* встрѣтилась въ однѣхъ и тѣхъ же сѣтяхъ съ любимымъ ею слономъ (*).

Вскорѣ послѣ этого Митравасу приходитъ неожиданно къ этому своему другу, чтимому во всѣхъ трехъ мірахъ, и, съ дружескимъ чувствомъ, говоритъ ему: »Дѣвица именуемая Малявати—моя меньшая сестра. Предлагаю тебѣ ея руку: ты не долженъ поступить противъ моего желанія.« Услышавъ такое предложеніе отъ своего друга, Джимутаваганъ сказалъ: »Царевичъ! она была моею супругою и во время предшествовавшее нашему рожденію: и ты также, и ты, въ оное время, былъ моимъ другомъ, и

(*) Между прочими значеніями у Вильсона *мрига* значитъ: a kind of elephant, one with white marks on his forehead, — manda также: a sort of elephant. Замѣчательно притомъ, что первое слово въ подлинникѣ—съ флексіей женскаго рода, второе же рода мужескаго. Все это заставляетъ убѣдиться, что здѣсь говорится, не о комъ другомъ, а только о парѣ слоновъ. Брокгаузъ переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: und es entstand bey dem gegenseitigen Betrachten des Junglings und der Jungfrau in beiden Seelen zur selben Zeit das gleiche Gefühl, gleichwie oft in einem Netze Elephant und *Hindin* (!) gefangen werden.

какъ и теперь, былъ также мнѣ милъ, и также обладалъ я въ тебѣ въ оное время, какъ и теперь, будто моимъ вторымъ собственнымъ сердцемъ. Я рожденъ съ памятью о прошедшемъ и живо помню все происходившее со мною до рожденія.« — »Такъ разскажи же мнѣ эту повѣсть о твоемъ бытѣ до рожденія, сказалъ тогда Митравасу своему другу: я горю нетерпѣніемъ знать все, что было съ тобою.« Добродѣтельный Джимутаваганъ, въ слѣдствіе этихъ словъ своего друга Митравасу, разсказалъ ему слѣдующую повѣсть о томъ, что происходило съ нимъ до его рожденія.

»Вотъ что было со мною. И въ прежнемъ быту я былъ летающій по небу видъядгаръ. Однажды я странствовалъ по пути ведущему черезъ вершину Гимавана (*): случилось, что въ низу подо мною могучій Гара (*Сива*) былъ погруженъ въ игру съ доблестной Гауріей. Вознегодовавъ за мое дерзновеніе, онъ проклялъ меня, изрекши слѣдующее: »Во чревѣ смертномъ паденіе твое!« Потомъ присовокупилъ еще: »Когда обрѣтешь жену въ племени видъядгаровъ, и утвердишь сына на своемъ мѣстѣ, тогда только суждено будетъ тебѣ родиться снова видъядгаромъ съ сохраненіемъ памяти о твоемъ прежнемъ существованіи.« Сарвасъ (*Сива*), опредѣливъ такимъ образомъ изреченное противъ меня проклятіе, замолкъ и исчезъ съ моихъ глазъ; я же скоро послѣ этого, родился на землѣ въ купеческомъ племени.

Родившись сыномъ богатаго купца въ городѣ именуемомъ Валлябги (**), я былъ названъ Васудаттою, и вы-

(*) См. стр. 1.

(**) *Валлябга*, въ нарицательномъ смыслѣ, значитъ: *милый*. Безъ сомнѣнія, это городъ аллегорическій.

росъ въ его домѣ. Достигнувъ наконецъ юношескаго возраста, исполняя волю отца, я отправился по торговымъ дѣламъ въ одну отдаленную землю, сопровождаемый множествомъ лицъ, которыхъ попечительности, въ продолженіе моего пути, отцемъ моимъ я былъ ввѣренъ. Когда мы приближались, во время нашего странствованія къ одному, дремучему лѣсу, вдругъ на меня напали лѣсные жители, промышлявшіе разбоемъ, отняли все мое имущество, связали меня и увели въ свою общину, среди которой возвышался грозный храмъ богини Чандики (*): я помню, какъ длинное красное полотно развѣвавшихся на вершинахъ этого храма знаменъ представлялось мнѣ тогда кровавымъ языкомъ смерти, алчущей проглотить живую, приносимую ей здѣсь, жертву. Дикари дѣйствительно привели меня въ этотъ храмъ именно съ тѣмъ, чтобы меня убить въ жертву богинѣ, и представили своему царю, именуемому Пулиндакъ (**), который въ это время приносилъ ей свои моленія.

Пулиндакъ, хотя и дикарь, лишь только взглянулъ на меня, мгновенно чувство сожалѣнія смягчило его сердце.

(*) Жена Сивы.

(**) *Савара*, по Вильсону, имѣетъ значеніе болѣе нарицательное нежели собственное: a barbarian, one inhabiting the mountainous districts of *India*, and wearing the feathers of the peacock, etc. as decorations, и потому я рѣшился передать это Санскритское слово — словомъ: *дикарь*. Что касается слова *Пулиндака*, то и оно, безъ сомнѣнія, также имѣетъ смыслъ нарицательный, ибо въ нѣсколькихъ мѣстахъ полнаго собранія нашихъ разсказовъ, въ которыхъ упоминается о Саварахъ, царь ихъ постоянно именуется Пулиндакомъ. Это подтверждается и этимологіею послѣдняго слова (*Пулинда*, a barbarian, a *Mlechcha*, a savage or mountainer, one who uses an uncultivated and unintelligible dialect. *Вильс.*) Читатель можетъ понимать слово Пулиндакъ какъ титулъ царя Саваровъ, или вѣрнѣе, — какъ названіе данное ему Брагманистами.

Такъ сердце, чувствомъ своимъ, безсознательно всегда скажется въ любви, ежели только была укоренена она въ предшествовавшемъ быту! Освободивъ меня отъ смерти царь дикарей рѣшился самого себя принесть на мое мѣсто въ жертву, и очистить такимъ образомъ передъ богиней долгъ кроваваго обѣта, которымъ онъ былъ связанъ. »Остановись! не дѣлай этого! я тобою удовольствована: можешь избрать отъ меня даръ, какой душѣ твоей угоденъ.« Когда умолкъ этотъ божественный голосъ, обрадованный дикарь воскликнулъ: »Ты, богиня, удовольствована мною: послѣ этого, можетъ ли быть для меня какой нибудь даръ выше? я же нуждаюсь въ одномъ: да будетъ и въ другомъ рожденіи у меня дружба съ этимъ купцемъ!« »Будетъ такъ!« прозвучалъ голосъ богини; дикарь же, отдавъ мнѣ съ излишествомъ все мое имущество, отпустилъ меня на родину.

Когда я, вырванный изъ челюстей смерти и спасенный отъ чужбины, раздѣлявшей меня съ моимъ отечествомъ, воротился въ свой домъ, отецъ мой, узнавъ отъ меня нобо всемъ, что со мною происходило, учредилъ въ нашемъ семействѣ богатый праздникъ, и радость, одушевлявшая на этомъ праздникѣ всѣхъ, была невыразимою.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, я увидѣлъ, какъ вели среди нашего города этого же, спасшаго меня, царя дикарей, закованнаго, по приказанію нашего царя, въ тяжелыя цѣпи за то, что онъ ограбилъ одинъ караванъ. Немедленно я сказалъ объ этомъ моему отцу, доложилъ о поступкѣ со мною пойманнаго дикаря нашему государю, и, цѣною ста тысячей золотыхъ монетъ (*), спасъ

(*) Безъ сомнѣнія, *сварна* имѣетъ тутъ значеніе опредѣленной Индійской монеты.

отъ неминуемой смерти моего избавителя. Воздавъ такимъ образомъ спасшему мою жизнь,—спасеніемъ его жизни, я привелъ его къ себѣ въ домъ, въ которомъ все было исполнено чувствомъ живѣйшей къ нему признательности и дружбы, и онъ долго у меня гостилъ, чествуемый и лелѣемый всѣмъ моимъ семействомъ.

Возвратившись домой, дикарь думалъ о подаркѣ, которымъ бы могъ воздать мнѣ за оказанную ему дружбу, почиталъ же ничтожнымъ все, что̀ ни находилось подъ его распоряженіемъ: жемчугъ, драгоцѣнныя благовонности и т. п. Однажды съ мыслью о томъ, чтобы какнибудь добыть для меня вѣнокъ жемчуга особенной какой нибудь доброты, онъ взялъ лукъ и ушелъ въ Снѣжныя горы (*) съ тѣмъ, чтобы убивать тамъ слоновъ (**).

(*) Т. е. Гималайскія. См. стр. 1.

(**) Вотъ какъ цѣлое это мѣсто переводитъ Брокгаузъ:.... und da er alle seine Schätze an Perlen, Edelsteinen, Spezereien und ähnlichen kostbaren Gütern für eine zu geringe Gabe hielt, so nahm er seinen Bogen und ging in die Himâlaya Berge, um Elephanten zu tödten und *die in ihrer Stirn liegenden Perlen zu nehmen*, um daraus für mich ein kostbares Halsgeschmeide zu machen. Въ подлинникѣ о баснословномъ жемчугѣ, добываемомъ изо лба слоновъ, не говорится ни слова. Слово *муктагара* означаетъ просто вѣнокъ или гирлянду изъ жемчуга (*мукта*, a pearl. *Вильс.*), миѳическій же слоновый жемчугъ имѣлъ бы передъ собою опредѣлительное слово *гаджа* (*гаджамукта*, a pearl, supposed to be found in the head of an elephant. *Вильс.*), какъ это и встрѣчается н. п. въ Брагмавайварта-пуранѣ, гдѣ оконечность носа миѳической красавицы Вираджи сравнивается съ этимъ жемчугомъ (*гаджамауктика-насагра*, стр. 36. *Штенцлерова изд.*) Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что нашъ охотникъ, утомленный безпрестанною мыслью о томъ, чтобы найти по сердцу подарокъ своему другу, отправился, съ желаніемъ себя поразсѣять, въ горы, на дикихъ слоновъ, хотя и намѣреваясь, какъ это видно изъ послѣдовательности разсказа, цѣною убитыхъ слоновъ добыть для своего друга

Скитаясь по горамъ, онъ пришелъ къ огромному озеру, на берегу котораго стоялъ храмъ, посвященный богу Сивѣ; цвѣты же очаровательнаго лотоса сладостно выглядывали изъ его волнъ, и какъ будто пылали желаніемъ усладить добраго друга цвѣточнымъ своимъ чувствомъ, чувствомъ той же живой дружбы къ нему, которымъ самъ онъ былъ преисполненъ.

Предполагая, что лѣсные слоны придутъ къ этому озеру для питья, онъ скрылся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не могъ его замѣтить, и, съ лукомъ въ рукѣ, ожидалъ прихода слоновъ, чтобы убивать ихъ. Въ это время вдругъ поражаетъ его необыкновенное зрѣлище: дѣвушка чудной красоты, возсѣдая на львѣ(*), приближалась къ этимъ мѣстамъ, чтобы поклониться Гарасу (*Сивѣ*), коего храмъ былъ на берегу этого озера. Она предстала его взорамъ, словно другая дочь Снѣжной горы (*Парвати или Гаурія, жена Сивы*), когда, бывъ еще дѣвицею, вся была предана она служенію Самбгу (*Сивы*). Изумленіе овладѣло дикаремъ увидавшимъ ее, и онъ думалъ: »Кто она? ежели это смертная женщина, то, какимъ же образомъ можетъ она возсѣдать на львѣ? ежели же это божество, то, какимъ образомъ доступна она взору такого человѣка,

---

и жемчугъ какой-нибудь особенной доброты. Во время этой охоты, въ самомъ дѣлѣ, по опредѣленію боговъ, онъ нашелъ для своего друга, какъ читатели увидятъ, такой подарокъ, который вышелъ гораздо дороже самого жемчуга.

(*) Въ эпизодѣ Маркандэя-пураны, *Дэвимагатмъямъ*, изд. въ Берлинѣ 1834 г. Г-мъ Полеемъ, жена Сивы воюетъ съ Асурами возсѣдая на львѣ, который одаренъ разумомъ, и, частью съ богинею на спинѣ, частью же и одинъ, истребляетъ ея непріятелей. Видно, что образъ разумнаго льва составляетъ одну изъ эмблемъ Сиваитскаго ученія.

каковъ я (*)? Она не иное что какъ олицетворенная награда моимъ очамъ, олицетворенный плодъ какихъ нибудь добрыхъ дѣлъ, которыя я могъ когда либо сдѣлать въ моемъ предшествовавшемъ быту. — Ежели бы мнѣ удалось соединить съ нею моего друга, то уже я не былъ бы въ состояніи воздать ему чѣмъ либо лучшимъ за все, оказанное имъ мнѣ. Подойду же къ ней: попытаюсь узнать, каково ея расположеніе, чего она требуетъ отъ того счастливца, котораго можетъ назвать своимъ женихомъ? »Съ этими мыслями другъ мой дикарь направилъ шаги свои къ чудной дѣвицѣ, она же въ это время, сошедши со льва, который присѣлъ на небольшемъ разстояніи для отдыха въ тѣни деревьевъ, подошла къ озеру, и принялась собирать цвѣтущій лотосъ. Увидя предъ собою незнакомца-дикаря, почтительно передъ нею склонившаго свою голову, она встрѣтила его дружескимъ, исполненнымъ свойственнаго хорошему воспитанію расположенія къ странникамъ, привѣтствіемъ.« Кто ты? потомъ сказала она ему, что привело тебя въ эту землю, въ которую такъ трудно проникнуть стопамъ человѣка?« На этотъ ея вопросъ дикарь отвѣчалъ:

»Я вождь дикарей, находящій единое для себя убѣжище у ногъ Бгаванія (*т. ж. ч. Гауріи, Умы и т. д., т. е. поклоняющійся супругѣ Сивы*) (**); пришелъ же я въ

(*) Въ этихъ словахъ поэта очень живо сказывается брагманическій духъ кастъ, которымъ, хотя и Сиваитъ, творецъ этого разсказа былъ весь проникнутъ, когда эти слова, выражающія сознаніе собственнаго уничиженія передъ высшими брагманскими кастами влагаетъ онъ въ уста даже иноплеменника, слова оправдываемыя впрочемъ единствомъ религіи, исповѣдуемой дикаремъ съ брагманическими Сиваитами.

(**) Единство религіознаго поклоненія должно было располагать, между прочимъ, лѣсную дѣвушку къ дикарю.

этотъ лѣсъ, чтобы цѣною убитыхъ слоновъ добыть себѣ вѣнокъ отмѣннаго жемчуга (**). Увидя тебя, царевна, я вспомнилъ о другѣ спасшемъ мнѣ жизнь, о благородномъ Васудаттѣ, сынѣ одного купца ведущаго караванную торговлю. И онъ, красавица, также какъ и ты, по красотѣ, по молодости, во всей вселенной не имѣетъ соперника, также какъ и ты, и онъ блеститъ очамъ его видящимъ— чарующимъ, живымъ потокомъ небесной амриты (*т. ж. ч. амбросіи, влаги безсмертія*). Блаженна та дѣвица въ мірѣ, коей руку, звенящую запястьемъ, возьметъ онъ — неисчерпаемое сокровище дружбы, щедроты, великодушія, мужества. Ежели эта красота твоя не соединится съ подобнымъ человѣкомъ, то, по истинѣ, я долженъ уже бояться за то, что нѣтъ болѣе Камаса (*любви*) на землѣ, что напрасно носитъ онъ лукъ свой.« Слова моего друга, вождя охотниковъ, какъ будто строки заклинаній чарующаго Кандарпа (*бога любви*) мгновенно похитили юное сердце чудной дѣвушки. Понуждаемая любовью, она сказала царю дикарей: »Гдѣ же этотъ другъ твой? Приведи и покажи мнѣ его.« Дикарь обѣщалъ привесть къ ней своего друга, и, гордый обрѣтеніемъ желаннаго, исполненный живѣйшей радости, простился съ нею и ушелъ.

Воротясь въ свою общину, онъ взялъ несмѣтное множество жемчуга, благовонностей и другихъ драгоцѣнныхъ вещей, и со всѣмъ этимъ добромъ, везомымъ на многихъ сотняхъ вьючнаго скота, пріѣхалъ къ намъ въ домъ. Встрѣченный всѣми съ невыразимою радостью и съ отмѣннымъ къ нему расположеніемъ и почетомъ, вступивъ въ нашъ

(**) *Матангамуктагэторъ.* Брокгаузъ: *um Perlen aus den Elephantenstirnen zu sammeln.* Въ подлинникѣ не говорится о слоновомъ лбѣ. Сложнаго же слова *матангамукта* въ знач. *гаджамукта*, у Вильс. не имѣется. См. примѣч. на стр. 10.

домъ, онъ поднесъ моему отцу все это, какъ подарокъ, все это, по своей цѣнности, стоившее многихъ сотней тысячей золотой монеты.

Цѣлый этотъ день мы праздновали и веселились; ночью же онъ разсказалъ мнѣ втайнѣ, съ начала до конца, всю эту повѣсть встрѣчи его въ горахъ съ чудною дѣвою. »И такъ пойдемъ туда, пойдемъ вмѣстѣ сейчасъ же.« Съ этими словами, дикарь взялъ меня съ собой: душа моя пламенѣла уже тоскою любви, и мы ушли съ нимъ въ эту же ночь. На другой день поутру отецъ мой узнавъ, что я ушелъ куда-то съ царемъ дикарей, при полной увѣренности въ его дружбѣ къ намъ, былъ совершенно спокоенъ и не пекся обо мнѣ.

Дикарь спѣшилъ, и такъ какъ все могшее облегчить нашъ путь было имъ предусмотрѣно, то незамѣтно и достигъ я вмѣстѣ съ нимъ до Снѣжной горы (*Гималая*): въ этотъ же день вечеромъ я увидѣлъ описанное имъ мнѣ озеро. Я и онъ, мы окунулись въ немъ, насладились пріятными плодами и провели одну ночь въ этомъ очаровательномъ лѣсу.

Этотъ лѣсъ въ горахъ, съ своими роскошными древесными цвѣтами, прикрываемыми густымъ навѣсомъ вьющихся около нихъ ліянъ, съ своимъ сладостнымъ, гармоническимъ жужжаньемъ суетящихся пчелъ, съ своимъ чистѣйшихъ ароматомъ разнообразнѣйшаго благоуханія, съ своими, ослѣпляющими взоры, цвѣтами растеній, кои, казалось, пылали блескомъ свѣточей по всему его протяженію, этотъ лѣсъ былъ для насъ двоихъ, когда мы, освѣжаясь, пили воду его озера, какъ будто вторымъ жилищемъ подруги бога Камаса (*Любви*).

На другой день пришла дѣвица, коей каждое движеніе обнаруживало особую сторону очаровывающей граціи. Мое сердце давно уже выбѣгало ей на встрѣчу по тому пути, которымъ она пришла. Правый мой глазъ предвѣщалъ мнѣ ея приходъ: онъ дрожалъ и какъ будто хотѣлъ выбѣжать изъ своей орбиты отъ несказаннаго желанія видѣть ее. Возсѣдая на мохнатой спинѣ льва, очаровывая движеніемъ своихъ бровей, она показалась мнѣ также прелестною, какъ проглядывающій молодой мѣсяцъ на свѣжемъ лонѣ густаго осенняго облака. Я смотрѣлъ на нее съ чувствомъ радости, удивленія, тоски, тревоги и не зналъ самъ, что было тогда съ моимъ сердцемъ. Сошедши со льва, дѣвушка набрала цвѣтовъ, умылась въ озерѣ, и принесла жертву Гарасу (*Сивѣ*), храмъ коего находился на берегу этого озера. Когда она окончила моленія, другъ мой дикарь подошелъ къ ней, доложилъ о себѣ (*), и потомъ, встрѣченный, со стороны ея, почтительнымъ привѣтствіемъ, сказалъ ей: „Я привелъ, царевна, моего друга, жениха соотвѣтствующаго тебѣ. Теперь я могу тебѣ показать его, ежели угодно.‘ „Покажи“ сказала она, и дикарь, услышавъ это, немедленно подошелъ ко мнѣ, вывелъ меня изъ чащи, и, приведши предъ ея лице, указалъ ей на меня. Она вглядывалась въ меня украдкой, но во взорахъ ея ясно пробивалась вся полнота того живаго чувства, которымъ ея душа ко

(*) По обычаямъ брагманскимъ, вѣжливостъ со стороны гостя требовала, чтобы онъ, при встрѣчѣ съ хозяиномъ, произносилъ свое имя. Это же требовалось и отъ младшихъ при встрѣчѣ съ старшими, родителями, наставниками и т. д. (*см. Законы Ману*). *Атманамъ авэдъя*, Брокгаузъ переводитъ: *und meldete ihr mich*, т. е. *дикарь представилъ меня ей*; выходитъ же на дѣлѣ, что онъ самъ представился, Джимутавагана же представилъ послѣ. *Атм. авэд.* значитъ: *представивъ самого себя.*

мнѣ преисполнилась: она была совершенно покорена чувствомъ любви вошедшимъ въ нее, и сказала вождю дикарей: „Твой другъ — онъ не человѣкъ; не иначе, какъ это какой нибудь богъ, пришедшій сюда, чтобы меня увлечь собою: такой образъ у смертнаго — гдѣ же?“

Услышавъ это, я первый обратился къ ней съ моими словами для того, чтобы совершенно устранить отъ нея всякое недоумѣніе: — Дѣйствительно, красавица, я смертный: къ чему притворствовать прямымъ людямъ? Я сынъ человѣка изъ города Валлябги, именуемаго Магадганомъ, ведущаго караванную торговлю, и меня добылъ онъ, какъ благодать, у Магэсвара (*Сивы*), ибо, когда онъ совершилъ обѣтъ богу осѣненному мѣсяцемъ (*Сивѣ*), имѣя въ виду, чтобы родился у него сынъ, этотъ богъ, имъ удовольствованный, объявилъ ему благодать свою во снѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Встань, родится у тебя »существо великодушное, сынъ. Въ этомъ заключается »глубочайшая тайна; подробностей не жди.« Услышавъ это отецъ мой пробудился, и — въ послѣдствіи времени, дѣйствительно родился у него сынъ. Это — я, называемый по имени Васудаттою; этотъ же вождь дикарей есть мой другъ по свободному выбору сердца, мною обрѣтенный въ чужой землѣ, куда зашелъ было я. Горе не роднится съ этимъ моимъ другомъ отъ меня отдѣльно. Вотъ вкратцѣ все, что ко мнѣ относится.« Когда я умолкъ сказавъ это, дѣвица понизивъ чело отъ стыдливости, сказала мнѣ слѣдующія слова:

»Такъ и есть: сегодня именно Гарасъ (*Сива*), удовольствованный моими моленіями, объявилъ мнѣ во снѣ, поклоняющейся ему: »Завтра ты обрѣтешь мужа.« По этому ты мнѣ супругъ; другъ же вашъ — братъ мнѣ«. Утѣшивъ меня этою амритою своихъ словъ, она замолкла.

Послѣ этого, совѣщаясь о моемъ бракосочетаніи съ нею сообразно съ закономъ, я рѣшилъ, чтобы намъ для этого, въ сопровожденіи нашего друга, отправиться въ мой домъ. Тогда красавица, подозвавъ къ себѣ мановеніемъ руки льва, своего носителя, сказала мнѣ: »Возсядьте на него, мой супругъ!« »Возсядь!« сказалъ другъ нашъ дикарь, и я, сѣвши на льва, держалъ въ объятіяхъ мою возлюбленную. Такимъ образомъ ѣхалъ я, счастливый, къ моему дому, сидя вмѣстѣ съ милою на львѣ; другъ же нашъ предшествовалъ намъ.

Питаясь на пути мясомъ дикихъ козъ, убиваемыхъ стрѣлами нашего друга, постепенно, всѣ вмѣстѣ, мы достигли наконецъ города Валлябги (*).

Люди, увидя меня пріѣхавшаго съ красавицею на спинѣ льва, изумленные, поспѣшно побѣжали въ моему отцу и сказали ему объ этомъ. Отецъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, и, увидя меня, сошедшаго со спины царя животныхъ, у своихъ ногъ, былъ восторженъ — радовался и изумлялся; когда же онъ увидѣлъ потомъ также у своихъ ногъ мою красавицу, равную которой другую никто никогда не могъ видѣть, невѣсту, подобающую мнѣ, онъ былъ внѣ себя, и воскликнулъ: »Нѣтъ! подобную радость еще — не вынесть.« Послѣ этого онъ ввелъ насъ въ домъ, тамъ распросилъ насъ о нашихъ

(*) Замѣчательно, что обратный путь совершаетъ нашъ молодой человѣкъ не въ однѣ сутки, а гораздо медленнѣе. Причиною этому — красавица, обладая которою не къ чему было торопиться.

приключеніяхъ, выхвалялъ чувство дружбы вождя дикарей, и учредилъ богатѣйшій праздникъ.

На другой день, сообразно съ указаніемъ провозвѣстниковъ (*маугуртикадэсадъ*), это прекрасное созданіе, дѣвица моя, было сочетано со мною бракомъ въ присутствіи всѣхъ моихъ родныхъ, сошедшихся ко мнѣ. Видя это, носитель моей жены, левъ, внезапно, предъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ, принялъ человѣческій образъ. »Что это такое?« воскликнулъ весь народъ, стоявшій около насъ; онъ же, въ небесномъ облаченіи, и имѣя на себѣ небесное драгоцѣнное убранство сказалъ мнѣ: »Я видъядгаръ: имя мое Читрангадъ; дѣвушка же эта — моя дочь, которая дороже мнѣ жизни: ея имя — Мановатí. Всегда нося ее на моемъ лонѣ, бродя пó лѣсу однажды пришелъ я на берегъ Ганги, обильный лѣсными обителями отшельниковъ. Когда я переходилъ черезъ ея середину, нисколько не страшась того, чтобы не накликать на себя негодованія отшельниковъ (*), случайно вдругъ цвѣточный мой вѣнецъ упалъ въ ея волны; въ это время внезапно мудрецъ Нарадъ (**), находившійся

(*) *Тапасвилянгганатрасатъ тасъя мадгъп на гаччата апатанъ мама дайвачча пушпамаля тадамбгаси.* У Брокгауза: *Um die Büsser nicht zu stören* (?), ging ich mitten durch den Strom als etc. Эта анаколютія Нѣмецкаго перевода произошла отъ того, что отрицательная частица *на* отнесена переводчикомъ къ *тапасвилянгганатрасатъ* въ то время, какъ она относится къ слову *гаччата*. Собственно: въ то время какъ я не переходилъ черезъ середину рѣки опасаясь и т. д., т. е.: переходилъ не опасаясь ... Относясь къ *тапасвилянгганатрасатъ*, *на* выражаетъ здѣсь *причину*, а не *цѣль*.

(**) *Нарада*, a name of NAREDA, the son of Brahma, and one of the ten divine *Munis* or *Rishis*; he is a friend of KRISHNA, a celebreted legislator, and inventor of the VINA or lute. Въ пуранахъ и въ эпосѣ этотъ мудрецъ отличается въ особенности всепроницаніемъ (*сарвалекагаманамъ*) и добрыми совѣтами, которые подаетъ онъ добродѣтельнымъ людямъ.

во глубинѣ волнъ, всталъ, и, такъ какъ вѣнокъ мой упалъ ему на спину, то, разсердившись за это, великій отшельникъ проклялъ меня: »За эту твою разсѣянность, преступникъ, ступай: будешь львомъ. Обитая въ Снѣжныхъ горахъ (*Гимал.*) будешь носить эту свою дочь на спинѣ твоей, и, когда наконецъ эта дочь твоя сочетается бракомъ *съ человѣкомъ* и ты самъ увидишь это, то, только тогда проклятіе мое тебя оставитъ.« Будучи проклятъ святымъ отшельникомъ, я сдѣлался такимъ образомъ львомъ, и, обитая въ Снѣжныхъ горахъ, носилъ на спинѣ эту мою дочь, которой главное занятіе состояло всегда въ поклоненіи Гарасу (*Сивѣ*). Какимъ образомъ старанія вождя дикарей устроили наконецъ наше общее счастье, это тебѣ извѣстно. Мнѣ же пора теперь въ путь: миръ вамъ! Проклятіе, на мнѣ тяготѣвшее, оставило меня.« Сказавъ это, видъядгаръ быстро возлетѣлъ на небо; отецъ же мой, проникнутый несказаннымъ удивленіемъ, поздравляемый своими людьми и родственниками, обрадованный союзомъ столь высокимъ, продлилъ учрежденное имъ празднество, которое было несравненнымъ, великимъ торжествомъ въ семействѣ нашемъ.

»Кто начертитъ теперь кругъ дѣйствія истинной дружбы, той дружбы, для которой мала и жертва собственной жизни въ пользу милыхъ сердцу?« такъ восклицали присутствовавшіе, когда разсматривая со всѣхъ сторонъ благородный образъ дѣйствій вождя дикарей, все удивлялись ему болѣе и болѣе. Самъ царь нашей области, узнавъ обо всемъ этомъ, по любви къ намъ, былъ въ высочайшей степени расположенъ и къ этому царю дикарей, единодушному съ нами: удовольствованный его великодушіемъ, нашъ царь, по предложенію моего отца

поднесшаго ему драгоцѣнный подарокъ, состоявшій изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга, предоставилъ нашему другу въ полное его распоряженіе, всю лѣсную область (*атавираджьямъ*).

Такимъ образомъ въ сообществѣ жены моей Мановати и этого моего друга, вождя дикарей, жилъ я безмятежно и вполнѣ счастливо въ родномъ моемъ городѣ, ибо вождь дикарей, не находя уже особеннаго удовольствія жить въ своей странѣ, большею частью проводилъ время въ нашемъ домѣ. Обоимъ намъ, друзьямъ, не могшимъ никогда насытиться чувствомъ дружбы, проявлявшейся между нами во всѣхъ нашихъ поступкахъ, время самымъ отраднѣйшимъ движеніемъ, совершало сладостный путь свой. Скоро отъ моей Мановати родился мнѣ сынъ, будто олицетвореніе сердечнаго праздника всего рода нашего. Сынъ мой, по имени Гиранъядатта, дошелъ постепенно до возмужалаго возраста и, будучи воспитанъ и обогащенъ познаніями, женился на дѣвицѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшей ему.

Старый мой отецъ, видя все это, нашелъ, что плодъ его жизни совершенно уже созрѣлъ, и, въ слѣдствіе этого, отправился съ подругою своею, моею матерью, къ рѣкѣ Багиратѣ (*Гангесу*) съ тѣмъ, чтобы тамъ оставить свое тѣло.

Терзаемый тоскою о моемъ отцѣ, только при неотступныхъ увѣщеваніяхъ со стороны родныхъ, я могъ себя преодолѣть и согласиться на то, чтобы принять на себя тяжесть управленія моимъ домомъ; но, съ одной стороны, взглядъ на невинное лице моей Мановати, съ другой, сообщество съ вождемъ дикарей, утѣшили меня въ моемъ роковомъ горѣ.

Такимъ образомъ опять дни мои текли счастливо, озаряемые тѣмъ блаженствомъ, которымъ мы питаемся, имѣя добраго сына, тѣмъ упоеніемъ счастья, которымъ мы проникнуты имѣя добрую жену, и наконецъ тою неизмѣнною радостью, которую намъ даетъ сообщество добродѣтельнаго друга.

Незамѣтно однако вошелъ я въ лѣта, и тогда старость, дружески взявъ меня за подбородокъ, промолвила мнѣ добрый совѣтъ: »Не уже-ли до сихъ поръ, сынъ мой, ты все еще мѣшкаешь въ своемъ домѣ?« Эти слова тотчасъ же возродили во мнѣ отсутствіе всякой привязанности къ земному: желая только одного, именно, обители въ лѣсу, я возложилъ на моего сына всю обязанность несенія тяжести семейнаго быта, самъ же съ женою и съ царемъ дикарей, отказавшимся изъ любви ко мнѣ отъ своего лѣснаго царства, отправился къ горѣ Калинджару (*). Когда я достигъ до нея, мгновенно вспомнилъ я о моемъ видъядгарскомъ происхожденіи, и о томъ, что конецъ проклятію, изреченному противъ меня Сарвасомъ (*Сивою*), уже достигнутъ мною. Я открылся въ этомъ моей супругѣ Мановати и другу моему, царю дикарей, и собрался потомъ освободить себя отъ человѣческой плоти.

»Эта моя жена, и этотъ мой другъ, да будутъ они для меня тѣмъ же и въ будущемъ моемъ быту, и да сохранится со мною память объ нихъ!« Произнесши эти слова, возносясь моимъ сердцемъ къ Санкарасу (*Сивѣ*), я бодро соскочилъ съ отлогости горы и освободился та-

(*) Это названіе горы, безъ сомнѣнія, аллегорическое.

кимъ образомъ отъ земнаго тѣла. Вмѣстѣ со мною тутъ же освободились отъ него и они оба — моя жена и другъ мой.

Вслѣдъ за этимъ, тотъ же самый я родился въ этомъ семействѣ видъядгаровъ подъ именемъ Джимутавагана, и вотъ — память обо всемъ, бывшемъ со мною, не оставила меня; вождь дикарей опять, это ты — родившійся, благодатью трехъокаго бога (*Сивы*), сыномъ Висвавасу, царя сиддгасовъ; видъядгарянка же, бывшая прежде моею супругою подъ именемъ Мановати, теперь именуется Малявати, и рождена твоею сестрою. Такимъ образомъ, эта сестра твоя есть прежняя моя супруга, ты же — прежній мой другъ; по этому и прилично ей выйти теперь за меня за мужъ. Прежде всего однако должно тебѣ отправиться къ моимъ родителямъ и сказать имъ объ этомъ: вмѣстѣ съ ихъ благословеніемъ и будетъ такъ, какъ желаешь ты.

Митравасу, услышавъ все это отъ Джимутавагана, съ сердцемъ исполненнымъ радости, отправился къ его родителямъ и разсказалъ имъ все это. Разсказъ его принесъ несказанную радость Джимутавагановымъ родителямъ, послѣ чего, отъ нихъ Митравасу пошелъ къ своимъ родителямъ, и, съ веселіемъ души, разсказалъ и имъ въ подробности все дѣло. Когда и они были обрадованы совершеніемъ того, что давно уже составляло желаніе ихъ сердца, царевичь сиддгасовъ немедленно приступилъ къ приготовленіямъ свадьбы своей сестры.

Предводимый царемъ сиддгасовъ, Джимутаваганъ, сообразно съ закономъ, принялъ руку его дочери, и былъ въ это время тамъ пиръ: небесные плясуны (*чарана*)

плясали на этомъ пиру восторженную пляску свою; вездѣ слышны были ликованья несмѣтныхъ сонмицъ сиддгасовъ, равно какъ и несмѣтные роды видъядгаровъ блистали вездѣ молніевидными, одушевленными своими движеніями. По совершеніи свадебнаго обряда, Джимутаваганъ жилъ на этой Малаѣ-горѣ (*) наслаждаясь безукоризненнѣйшимъ, совершеннымъ счастіемъ, въ сообществѣ жены своей и друга.

Однажды съ зятемъ своимъ Митравасу онъ пошелъ поглядѣть на прибрежныя волны моря. Тутъ онъ увидѣлъ какого-то юношу, который пришелъ сюда весь встревоженный и старался остановить свою мать, восклицавшую въ слѣдъ ему съ воплями: »Увы! сынъ мой! сынъ мой!«, въ то время какъ за нимъ (**) тутъ же слѣдовалъ какой-то другой человѣкъ, будто воинъ, и видно было, что этотъ другой человѣкъ былъ тутъ для того, чтобы этого юношу заставить взойти на одну огромнѣйшую и высочайшую отлогость кремнистой горы.

»Кто ты? вопросилъ Джимутаваганъ, что тебѣ нужно? отъ чего оплакиваетъ тебя твоя мать?« Въ отвѣтъ на это молодой человѣкъ въ слѣдующихъ словахъ разсказалъ ему повѣсть своей судьбы:

(*) См. примѣч. на стр. 5.

(**) *Паритъяктамъ*, выражаетъ, что воинъ сопутствовавшій молодому человѣку *отставалъ* отъ него, слѣдовательно, что этотъ молодой человѣкъ, хотя и съ горестью, но бодро и смѣло шелъ самъ туда, куда идти было ему назначено. Брокгаузъ переводитъ такъ, что у него выходитъ наоборотъ: während ein andrer Mann ihm nachfolgte und ihn *fortstiess* etc.

»Двѣ жены Касъяпа (*), Кадру и Вината, пересказывая одна другой разныя событія, вступили нѣкогда въ споръ: первая изъ нихъ говорила, что Солнышко разъѣзжаетъ на лошадяхъ черныхъ, вторая же утверждала напротивъ, что лошади у Солнца бѣлы. Онѣ побились объ закладъ съ тѣмъ, что та изъ нихъ, которая проиграетъ, будетъ рабою своей побѣдительницы. Послѣ этого, Кадру, положившая во что бы ни стало покорить свою соперницу, прибѣгнула къ Змѣямъ (**), своимъ дѣтямъ, и успѣла сдѣлать то, что отъ усиленнаго ядовитаго ихъ дыханія, лошади Солнца были омрачены и казались въ самомъ дѣлѣ черными. Кадру немедленно указала на нихъ, сквозь тьму змѣинаго яда, Винатѣ, которая такимъ образомъ была побѣждена коварствомъ своей совмѣстницы, и сдѣлалась ея рабою. Дикъ и золъ нравъ женщины, коей совмѣстничество противно!

(*) *Касъяпа*, the name of a *Muni* or deified sage, the son of MARICHI, and father of the gods, demons, animals, fishes, reptiles etc by the seventeen daughters of DAKSHA; *Маричи*, a saint, the son of BRAHMA, and one of the *Prajapatis*, and, *Brahmadikas*, or first created beings, and sovereings of the world. Миѳъ, представляющій, что равно пернатыя какъ и змѣи происходятъ отъ одного отца Касъяпа, указываетъ, быть можетъ, на ученіе полагавшее общее начало добру и злу.

(**) *Нага*, a *Naga* or demigod so called, having a human face with the tail of a serpent, and the expanded neck of the *Koluber Naga*; the race of these beings is said to have sprung from KADRU, the wife of KASYAPA, in order to people *Patala* or the regions below the earth. Въ *Раджатарангини*, стихотворной Санскритской лѣтописи, относящейся къ XI-му стол. по Р. Х. упоминаются озера, наполненныя подобными человѣкообразными змѣями. Изъ многихъ мѣстъ пуранъ и эпоса очень естественно заключать, что существовало въ Индіи особое племя людей, называвшихся змѣями или *Нага*.

Узнавъ объ этомъ сынъ Винаты, властитель пернатыхъ, Гарудъ (*) пришелъ къ Кадру, и ласкою требовалъ отъ нея освобожденія своей матери. Тогда змѣи, сыновья Кадру, размысливъ, сказали ему слѣдующее: »Послушай, сынъ Винаты! Боги начали колотить океанъ млечный съ тою цѣлью, чтобы изъ нѣдръ его добыть влагу безсмертія (*амриту*): похить эту влагу и предложи намъ ее въ видѣ выкупа. Цѣною этой влаги мать твоя будетъ принадлежать тебѣ. Вѣдь вы, сынъ Винаты, между могучими первый.«

Услышавъ эти змѣиныя слова, Гарудъ, отправившись на млечный океанъ, обнаружилъ, въ дѣлѣ достиженія влаги безсмертія, чудеса бодраго и непреклоннаго мужества. Самъ богъ Гарисъ (*Вишну*), удовольствованный могучими подвигами его, объявилъ ему слѣдующее: »Я вполнѣ доволенъ тобою: избери, Гарудъ, отъ меня даръ, какой душѣ твоей угоденъ!« »Да будутъ же змѣи моею пищею!« вотъ какой даръ избралъ для себя отъ Гариса Гарудъ, негодуя за порабощеніе матери. »Этотъ даръ я даю тебѣ,« отвѣтствовалъ Гарисъ.

Сакрасъ (*Индра*), узнавшій въ подробности обо всемъ, въ слѣдъ за этимъ обратился къ стяжавшему мужествомъ своимъ влагу безсмертія Гаруду съ слѣдующимъ совѣтомъ: »Царь пернатыхъ! сказалъ онъ ему, ты долженъ сдѣлать такъ, чтобы змѣи, озадаченные, не вкусили влаги безсмертія, и чтобы мнѣ была возможность от-

---

(*) *Гаруда*, the bird and vehicle of VISHNU, he is generally represented as a being something between a man and a bird, and considered as sovereign of the feathered race; he is the son of KASYAPA und VINATA, and younger brother of ARUNA.

нять ее у нихъ.« Услышавъ это, сынъ Таркши (*Гарудъ*), обѣщалъ Индрѣ сдѣлать это, и, преисполненный радости отъ той благодати, которую даровалъ ему богъ Вишну, взявъ съ собою сосудъ съ влагою безсмертія, пришелъ къ Змѣямъ.

Испуганные могуществомъ Гарисова дара, и совершенно растерявшись, Змѣи боялись подойти къ Гаруду, и съ трепетомъ стояли отъ него поодаль. Тогда Гарудъ сказалъ имъ: »Освободите мою мать, и вотъ вамъ влага безсмертія. Если же близость моя для васъ страшна, пожалуй, поставлю ее на этомъ возвышеніи изъ дарбговаго зелья (*), самъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будетъ освобождена моя мать, уйду отсюда, и тогда — отъ васъ будетъ зависѣть овладѣть этою влагою.« Змѣи сказали, что они на это согласны и тогда Гарудъ поставилъ сосудъ съ влагою безсмертія на чистомъ возвышеніи изъ дарбги, они же — выпустили его мать. Но лишь только Гарудъ, освободивъ отъ порабощенія свою мать, ушелъ и змѣи, опомнившись, хотѣли было взять влагу безсмертія, въ одно мгновеніе, подобно неруну, нисналъ на это мѣсто Сакрасъ (*Индра*), могуществомъ своимъ смутилъ Змѣевъ, и унесъ влагу безсмертія съ дарбговаго возвышенія, на которомъ сосудъ съ оною былъ Гарудомъ поставленъ. Приведенные въ отчаяніе, змѣи стали лизать тогда алтарь изъ дарбговаго зелья, думая: не уронилась ли какъ нибудь хоть капля влаги безсмертія на траву дарбги, когда ее стремительно уносилъ Сакрасъ. Остріе травы поразсѣкало у нихъ языки, и — напрасно они сдѣлались двуязычными, ибо, кромѣ смѣха, можетъ ли принесть другой плодъ непомѣрная жадность?

(*) *Darbha, Kusa* or sacrificial grass (Poa cynosuroides).

Вслѣдъ за этимъ, мощный сынъ Таркши (*Гарудъ*) силою власти данной ему Гарисомъ (*Вишну*), сталъ ежечасно нападать на змѣевъ, не возобладавшихъ сладостью влаги безсмертія, и безпощадно пожирать ихъ. Отъ его нападеній, въ Паталѣ (*), при многочисленной погибели Змѣевъ, живые, отъ страха, сдѣлались подобными мертвымъ; беременныя же матери ихъ роняли недоношенный плодъ свой. Наконецъ, царь Змѣевъ Васукисъ (**), видя ежедневно Гаруда въ своемъ царствѣ, думалъ уже, что весь его змѣиный міръ долженъ однимъ разомъ погибнуть. Пораздумавъ, немедленно онъ рѣшился вступить съ Гарудомъ, могуществу коего безплодно было бы всякое сопротивленіе, въ слѣдующій договоръ, договоръ неслыханный дотолѣ, условіями своими, змѣиному роду: »Ежедневно я буду высылать тебѣ, царь пернатыхъ (вотъ что предложитъ Гаруду Васукисъ) на прибрежную отлогость приморской кремнистой скалы по одному Змѣю для твоей пищи: но въ Паталу ты не проникай съ истребленіемъ. Царь пернатыхъ! истребя окончательно змѣиный міръ, вѣдь ты истребишь вмѣстѣ съ этимъ и собственныя твои выгоды.« На слова Васукиса Гарудъ отвѣчалъ: »Согласенъ!« и съ тѣхъ поръ онъ сталъ ежедневно поѣдать по одному Змѣю, который постоянно былъ присылаемъ для него на эту скалу.

Безчисленное количество Змѣевъ, одинъ за другимъ, уже изведено имъ на этой скалѣ. Я Змѣй именуемый Санкгачудъ (***): теперь очередь дошла до меня, и потому-

---

(*) *Паталя*, the regions under the earth, and the abode of the *Nagas* or serpents.

(**) *Васуки*, the serpent VASUKI, sovereign of the snakes.

(***) Въ Брагмавайварта-пуранѣ, слуга Кришны Сридаманъ, проклятый разгнѣванною Радгою, поступая въ разрядъ Асуровъ, принимаетъ это же имя.

вотъ суждено мнѣ, по приказу царя Змѣевъ, взойти для накормленія Гаруда на эту смертоносную скалу и перенесть горе отчаянія моей матери.«

Джимутаваганъ, услышавъ этотъ разсказъ Санкгачуда, опечалился, и, исполненный тоски, проникнувшей до основанія всю его душу, сказалъ ему: »Горе! увы, что̀ за бездушное царствованіе Васукиса, когда у него, собственною рукою его, ведутся подданные на съѣденіе врагу! отъ чего не отдалъ онъ, прежде всего, себя самого Гаруду? Какъ онъ возмогъ, этотъ малодушный, самъ требовать, чтобы, у него же на глазахъ, истреблялся родъ его? Да и Гарудъ, и онъ, имѣя отцемъ Касъяпа, и онъ, какимъ неслыханнымъ пятнаетъ себя злодѣйствомъ! Только изъ за плоти, изъ за нея одной, какое омраченіе овладѣваетъ даже и возвышенными душами! Теперь я, по крайней мѣрѣ хоть одного тебя, предлагая на твое мѣсто — собственное мое тѣло, уберегу отъ Гаруда. И такъ оставь смущеніе и успокойся, мой другъ!« Санкгачудъ съ твердостью духа, услышавъ это, сказалъ Джимутавагану: „Замолчи (*), благородная душа, и не говори мнѣ подобныхъ рѣчей! Не подобаетъ для убереженія хрупкаго стекла сокрушать драгоцѣнную жемчужину. Да и я неуже ли соглашусь пойти въ преданіе, пятнающее мой

(*) *Сантамъ*, причастная форма отъ кор. *самъ*, быть спокойнымъ, перешедшая въ восклицаніе, означаетъ несогласіе или неудовольствіе со стороны человѣка, услышавшаго что̀ нибудь такое, на что̀ онъ не согласенъ, или что ему противно (a prohibitive particle or interjection, implying negation, aversion, disgust: fie! forshame! heaven forbid! *Вильс.*) Трудно понять, на какомъ основаніи Брокгаузъ переводитъ это мѣсто слѣдующими словами: Es ist dies ein *heiliges* (?) *Vorhaben*, edler Mann, aber sprich nicht ferner auf solche Weise.

родъ, ежели допустить мнѣ это?« Этими словами добрый Санкгачудъ остановилъ Джимутавагана, и, видя, что мгновеніе Гарудова прихода приближается, поспѣшилъ поклониться передъ годиною смерти супругу Умы (*Сивъ*), чтимому подъ именемъ Гокарнаса на этомъ берегу моря.

Когда онъ ушелъ, Джимутаваганъ, эта сокровищница милосердія, нашелъ лучшимъ средствомъ для спасенія несчастнаго Змѣя — немедленно воспользоваться его уходомъ и принесть, въ этотъ промежутокъ времени, самого себя въ жертву. Показывая нарочно, что мысль о самопожертованіи совершенно уже имъ оставлена (*), онъ отправилъ, подъ предлогомъ какой-то особенной нужды, своего Митравасу къ себѣ въ домъ, и въ это время — вдругъ земля какъ будто поражена была ударомъ отъ вихря крыльевъ приближающагося Гаруда (чудо, всегда сопровождавшее появленіе могущества царя воздушныхъ обитателей!). Видя, что царь пернатыхъ уже пришелъ, исполненный состраданія къ другимъ, Джимутаваганъ поспѣшно взошелъ на скалу смерти.

Гарудъ, закрывшій все небесное пространство тѣнью своихъ крыльевъ, въ одно мгновеніе ниспалъ на доблестнаго, и, вонзивъ въ него страшный клювъ свой, схватилъ его. Кровь крупными каплями падала съ его тѣла на землю, когда онъ несъ его; благородный, сіяющій ал-

(*) *Тадъвисмртамъ ива кртва*, слово въ слово значитъ: сдѣлавъ это (*т. е. самопожертвованіе*) какъ будто забытымъ, и далѣе: *каръяпадэситъ*, подъ предлогомъ дѣла (*нужды*), отправилъ его (своего друга) домой. Г. Брокгаузъ переводитъ это мѣсто слѣдующими словами: er entsandte daher unter dem Vorwande eines wichtiges Geschäftes, das er *vergessen habe*, rasch den Mitrâvasu nach Hause. Слѣдовало сказать: sich seines eignen Hinopferns (a не Geschäftes) als vergessend machend.

мазами, вѣнецъ его головы, въ порывѣ стремительнаго Гарудова полета, былъ сшибенъ съ него и упалъ въ прахъ. — Принесши его на вершину одной горы, Гарудъ расположился на ней, и началъ его ѣсть (*). Въ это время дождь цвѣтовъ упалъ на нихъ съ небесной области. Увидя это, „что это такое?" сталъ думать изумленный Гарудъ.

Между тѣмъ, Санкгачудъ, поклонившись Гокарнасу воротился назадъ, и увидѣлъ, что вся поверхность скалы смерти орошена свѣжею кровью. »Горе мое! исполненный великодушія, безъ сомнѣнія, этотъ незнакомецъ пожертвовалъ для меня своею жизнью; но куда же Гарудъ въ это мгновеніе унесъ его? Не тратя времени буду его слѣдить: я долженъ найти его«. Подумавъ такъ, благородный Змѣй помчался слѣдя за каплями крови, путеводившими его.

Въ промежуткѣ этого времени, Гарудъ, видя блескъ веселія на лицѣ схваченнаго имъ Джимутавагана, переставъ его ѣсть, изумленный, думалъ: »Безъ сомнѣнія, это другой кто нибудь, кого я ѣмъ. Смущеніе смерти не отражается на этомъ, исполненномъ величія души, существѣ, когда я раздираю его когтями; напротивъ, онъ радуется.« »Въ то время когда Гарудъ такъ разсуждалъ съ самимъ собою, Джимутаваганъ, не смотря на то что находился въ подобномъ положеніи, для того чтобы довершить возжеланное душею, сказалъ ему слѣдующее: »Царь пернатыхъ! Мое тѣло изобилуетъ и мясомъ и

(*) *Бгакшаитунъ чайнамъ арэбгэ.* У Брокгауза представлено въ этомъ мѣстѣ только намѣреніе Гаруда съѣсть свою добычу, а не начало самого дѣла: und brachte ihn auf den Gipfel eines Berges, *um ihn zu verzehren.* Въ подлинникѣ: началъ его ѣсть.

кровью; по этому, за чѣмъ же нисколько не насытившись внезапно оставляешь ты свое яство?« Царь пернатыхъ слыша это, весь покоренный могуществомъ чуда, вопросилъ его: »Нѣтъ, существо благородное! ты не Змѣй. Скажи мнѣ, умоляю, кто ты?« — »Я *горній* (*), говорю тебѣ. Ѣшь меня: довершай, что началъ. Развѣ предпринятое дѣло, у благородныхъ существъ, оставляется неисполненнымъ?«

Между тѣмъ какъ Джимутаваганъ отвѣчалъ такъ Гаруду, Санкгачудъ достигнулъ наконецъ до этого мѣста, и издали сталъ кричать Гаруду: »Остановись, Гарудъ! остановись, не тронь его! Онъ не Змѣй: я Змѣй твой. Пусти, пусти его на волю. Увы, царь! что за омраченіе, столь неумѣстное, произошло съ тобою въ эту минуту?« Слова Санкгачуда сдѣлали то, что царь воздушныхъ обитателей потерялся отъ изумленія; Джимутаваганъ же почувствовалъ всю горечь скорби о томъ, что желаніе его души не исполняется.

При вопляхъ взаимнаго разговора, когда Гарудъ узналъ о себѣ, что онъ, въ своемъ омраченіи, поѣдалъ вождя видъядгаровъ, сердце его терзалось чувствомъ живѣйшаго раскаянія. — »Увы мнѣ! злодѣяніе мужеубійцы совершено мною. Увы! Какъ легко нравъ, не опредѣляющій себя границами, сбивается на путь порочный! Увы! Какъ ничтоженъ я съ ожесточенною моею правдою, и какъ достохваленъ этотъ видъядгаръ, допускающій къ своему сердцу одно только великодушіе, онъ, который, жертвуя своею жизнью для спасенія другаго, об-

(*) Слово *нага*, имѣя значеніе *змѣя*, можетъ также значить и *горній*, происходя отъ сл. *нага*, гора.

наружилъ на мнѣ всю гибель послѣдствій увлеченія слѣпыми чувствами какой бы то ни было страсти!« Такъ говорилъ Гарудъ, и рѣшался уже вступить на костеръ, чтобы въ огнѣ очистить свое преступленіе.

Въ это время сказалъ ему Джимутаваганъ: „Царь пернатыхъ! Что̀ значитъ эта потеря духа? Ежели дѣйствительно страшно для тебя преступленіе, то, съ нынѣшняго же дня, перестань пожирать пресмыкающихся, и проникни душу твою раскаяніемъ о Змѣяхъ, истребленныхъ тобою. Вотъ единственное воздаяніе за зло: напрасно ты думалъ о другомъ.« Услышавъ эти слова царя видъядгаровъ, исполненнаго состраданія къ живымъ существамъ, царь пернатыхъ съ чувствомъ радости обѣтовалъ ему, какъ наставнику своему, сдѣлать это и быстро отправился за влагою безсмертія (*живою водою, амритою*), чтобы принесть ее съ неба и изцѣлить сперва израненнаго Джимутавагана, а потомъ оживить и всѣхъ съѣденныхъ имъ змѣевъ, отъ которыхъ оставались на скалахъ однѣ только кости.

Въ это время видимымъ образомъ низошла богиня Гаурія (*подруга Сивы*), удовольствованная моленіями жены Джимутавагана, и изъ собственной руки своей оросила его водою жизни (*амритою*): обновленные члены Джимутавагана сдѣлались отъ этого еще прекраснѣе противъ прежняго; возстановленіе же его силъ сопровождалось звуками очаровательнѣйшихъ пѣснопѣній, гуслей и флейтъ.

Когда Гарудъ воротился съ живою водою, въ это время Джимутаваганъ стоялъ уже въ полномъ цвѣтѣ здоровья. Увидя это, царь пернатыхъ съ высоты небесъ

пролилъ обильный дождь воды безсмертія по всему берегу моря. Всѣ Змѣи, оживленные, возстали отъ этого дождя, и дивно было смотрѣть, какъ прибрежныя волны моря вскорѣ засіяли несмѣтнымъ множествомъ поколѣній Змѣевъ, не трепетавшихъ уже передъ сыномъ Винаты: казалось, что вся преисподняя (*паталямъ, царство Змѣевъ*) пришла къ этому берегу для того только, чтобы наглядѣться въ это время на Джимутавагана.

Родители Джимутавагана, узнавъ обо всемъ, пришли къ нему и радовали его своими поздравленіями, его, блиставшаго передъ ними равно красотою невредимаго тѣла, какъ и чистотою славы, стяжанной имъ. Жена его, ближніе, родители жены, всѣ радовались радостью несказанною. Да и кто бы не радовался, при подобномъ переходѣ горя въ неописанное блаженство?

Джимутаваганъ отпустилъ наконецъ отъ себя Санкгачуда и тотъ ушелъ въ подземную свою отчизну; но славу свою онъ не могъ отпустить отъ себя: вездѣ сопутствуя ему, сама собою, наполнила она всѣ три міра (*всю видимую природу*).

(*Статья изъ N 4-го Москвитянина 1847 года.*)